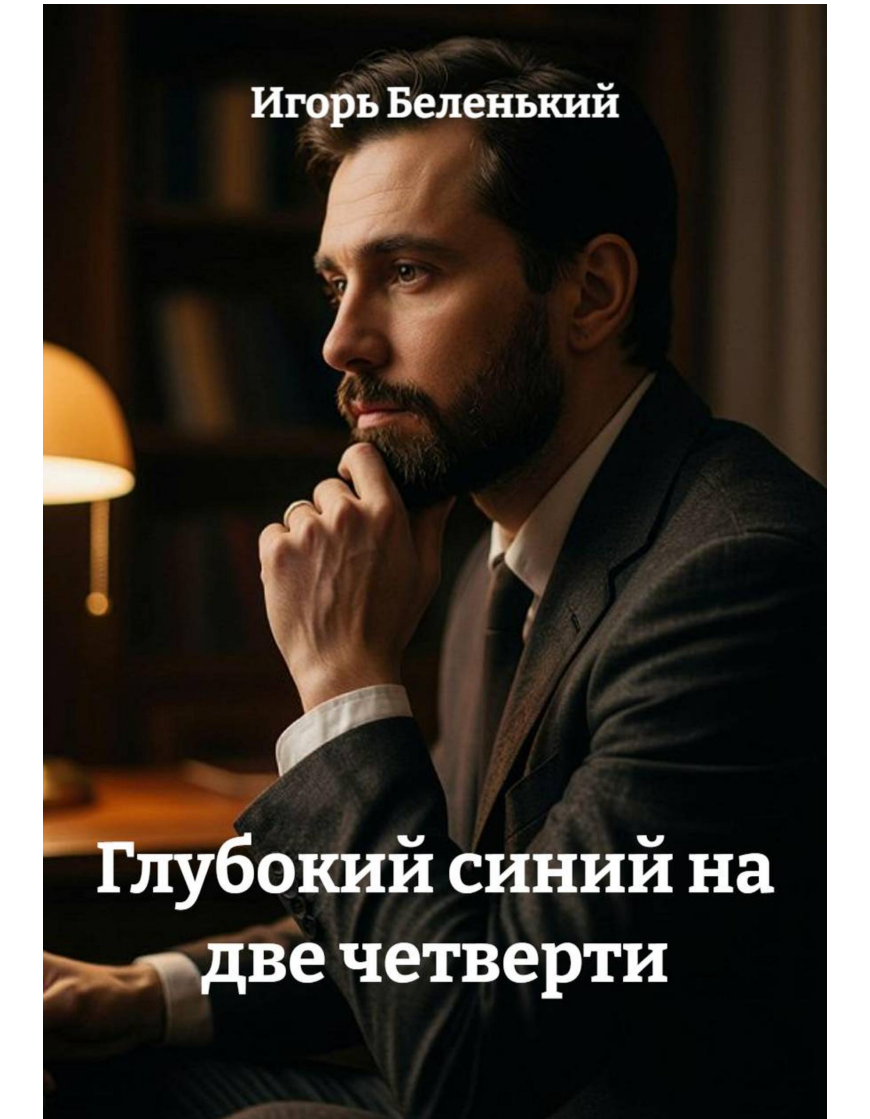


A portrait of a man with a beard and dark hair, wearing a dark suit, white shirt, and patterned tie. He is sitting at a desk, resting his chin on his hand in a thoughtful pose. A warm, glowing lamp is visible on the left side of the frame, casting a soft light on his face and the desk. The background is dark and out of focus, suggesting a library or study.

Игорь Беленький

**Глубокий синий на
две четверти**

Игорь Беленький Глубокий синий на две четверти

<https://litres.ru/74576544>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Глубокий синий на две четверти» — короткая психологическая драма, сотканная из воспоминаний и реальности, которую переживает успешный актуарий, в чью жизнь неожиданным образом вторгается та, кого он тщетно пытается забыть. К счастью, рядом с ним те, кто поможет это пережить. Ведь счастье - это так просто.

Игорь Беленький

Глубокий синий

на две четверти

— Сесиль, Сесиль... — напрасно я кричу на весь дом. Настолько привык, что кто-то обязательно бежит мне навстречу, что совсем забыл: дети у бабушки, Сесиль в гостях.

Никого нет именно сегодня, когда мне так нужно, чтобы кто-то был рядом. Но, увы, дом на мой зов отвечает звенящей тишиной.

Не буду включать свет, мутных декабрьских сумерек вполне достаточно, чтобы добрести до моего любимого кресла в гостиной. Кресла, купленного на аукционе, ради которого мне пришлось потратить всё, что было отложено мной на вожаденную охотничью Беретту. Но она так его хотела... Она хотела всего, что видела на аукционах, на убогих сельских ярмарках и в лавочках, чудом сохранившихся в глубине Латинского квартала.

Оглядываю гостиную, где каждый предмет известен мне до малейшей трещинки на старинном дереве или неровности на фарфоровом платье неведомой мне дамы XVIII века. Я словно вижу всё в первый раз, феномен *jamaïs vu* — я о таком читал.

Неужели это сделал я?

— Нет, дорогуша, у тебя на это не хватило бы ни фантазии, ни вкуса. Это сделала я. И я останусь здесь навсегда, сколько бы новых жен ты сюда ни привёл и сколько бы детей ни наплодил, — слышу её голос, её лицо перед моим мысленным взором, она словно парит в неясном свете зимнего дня. Она смеётся надо мной, как смеялась всегда. Смеётся издевательски и недобро. Моя роковая ошибка, мой сизифов камень, призрак, который всегда со мной.

«Жиль, достаточно рефлексировать. Заставь себя встать, безупречно аккуратно — ты всегда безупречно тщателен — повесить в гардеробную костюм, неспешно сварить себе кофе. И всё встанет на свои места. У тебя был неординарный рабочий день, но ведь не первый и не последний». Я пытаюсь заняться аутотренингом, о котором мне уши прожужжала кузина жены Кароль. Понимаю, что бесполезно.

Рене называет меня человеком-планом, человеком-органайзером. Я не обижаюсь. Он прав. Я люблю порядок во всём: мысли, цифры, логические связи, аккуратно расставленные вещи и вовремя поданная еда. Порядок — мой спасательный круг, помогающий держаться на плаву и даже куда-то плыть, если хватает сил и ума. Я хорошо помню день, когда понял, что хаос для меня смертелен.

— Дидье, не смей уходить. Ты обещал, что этот вечер проведёшь с нами, — мать стоит в дверях нашей маленькой НЛМ-квартирки (на более приличное жильё у нас нет денег).

— Камилла, я обещал друзьям, они меня позвали на вечеринку, там будут люди, которые мне интересны и нужны. Ты так и не поняла за столько лет, что для людей творческой профессии такие встречи — это хлеб насущный.

— Дидье, хватит изображать из себя великого фотографа. «Творческой профессии» — не смеши меня. Перебиваешься случайными заработками, а те две выставки, которыми ты так любишь хвалиться, — это же анекдот. Десять лет назад, в холле зачуханных колледжей. Ты серьёзно?

— Только посмей ещё раз так сказать, получишь по полной. И не скули тогда, что я тебя не предупреждал.

Я стою на пороге своей крошечной комнаты. Они забыли обо мне, но я всё вижу и слышу. Это не первая перебранка родителей. Я привык, что это часть нашей жизни, но сегодня мне впервые становится страшно за мать. Не решаюсь вмешаться — я люблю их обоих и не понимаю толком, кто из них прав. Подожду пока.

— Дидье, я прошу тебя, останься. Неужели дом, сын, я — мы для тебя пустое место? Я уже устала ждать тебя до пяти утра, когда ты приползаешь в стельку пьяный и валишься на кровать, если до неё доходишь. Устала считать копейки, экономить на всём, каждый раз с ума сходить, что не сумеем за квартиру заплатить. И быть всё время без тебя. Словно вдова при живом муже. Которому приятели важнее — приятели, которым ты нужен, только когда за выпивку платишь. Иначе не то что имени твоего не вспомнят, на улице мимо

пройдут и не узнают. Я устала, я так больше не могу.

— А я, Камилла, устал от твоих причитаний, от твоего нытья по поводу денег. По горло сыт твоими обедами и ужинами. Нашими разговорами о работе и ценах на то и на сё. Я задыхаюсь в этой чёртовой дыре, которую ты называешь «нашим домом». Это не дом, это тюрьма, это удавка. Я тебя много лет тому назад предупреждал, что такая жизнь не по мне. Ты не послушала, теперь не зуди. Пусти меня, дай пройти, пока не сделал это силой.

Отец уже начинает орать. Какой же он некрасивый, когда орёт. Он уже начинает лысеть, его хвостик (дань юности среди хиппи) комично подёргивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.